
БРАЧНЫЙ ЦЕРЕМОНИАЛ РОССИЙСКИХ ДВОРЯН В XIX в.

A. С. Чижикова

В настоящее время возрос научный интерес к дворянской культуре, всё большее внимание уделяется теме семьи в разные периоды истории. Данная статья посвящена анализу традиций вступления в брак, бытовавших среди дворян в первой половине XIX в., в частности, рассмотрению этикетных форм поведения в период сватовства, помолвки и бракосочетания, которые являются яркими выразителями духа эпохи и помогают лучше понять, какими были представления о чести, о достоинстве, о жизненных ценностях, а также выявлению особенностей семьи столичного дворянина.

В первой половине XIX в., как правило, знакомства происходили весной, а браки — осенью, хотя этот обычай не был жёстким. Для завязывания знакомств девушек возили на так называемую ярмарку невест в Москву.

От «партии» зависело место девушки в обществе. Женщина по сравнению со своим девичьим положением становилась более свободной, могла распоряжаться деньгами (юридически приданое было в её собственности), своим временем, приобретала вес в обществе, особенно если выходила замуж за богатого и высокопоставленного человека. К ней могли обращаться за протекцией. Да и нередки случаи, когда не муж, а его жена фактически руководила делами в департаменте или полку супруга. Разумеется, степень свободы женщины зависела от характеров её и мужа. Осуждалось только вопиющее тиранство и явные отступления от морали.

Герой «Богатой невесты» описывает своё положение (типичное для молодого человека) при появлении в свете так: «С тех пор, как я вступил на поприще гражданской службы и вошёл в сношения с людьми, у всех моих знакомых была обо мне постоянная забота — женить меня. Входил ли я в изящную гостиную, наполненную прелестными, стройными девицами, наверно которая-нибудь из почтенных дам заводила со мной разговор о “скуке жизни холостой”... Приезжал ли обедать в семейный дом запросто, приветливая хозяйка непременно обещала сосватать мне невесту; дачи моих приятелей превратились в огромные западни, где непременно сидела для приманки какая-нибудь невеста. То же было на водах, то же за границей»¹.

Именитые дворяне обычно не прибегали к услугам свахи-профессионалы. Эту роль выполняла старшая родственница, отец² либо друг жениха³. Однако некоторые дворяне обращались за их помощью. В повести «Rendez-vous» Л. В. Брант даёт описание свах: «Аграфена Ивановна не принадлежала к числу тех простолюдинок, устроительниц супружеского счастья, которых в наших романах и водевилях обыкновенно выводят на сцену под именем Савиши или Кузьминиши, в телогрейках и с головою, повязанных платком. Аграфена Ивановна занимала почётное место в особом разряде свах высшего полёта. На ней была богатая шляпка и дорогая шаль; её шелковое платье и все принадлежности её наряда, не без вкуса и не без претензий, доказывали, что, посвятив себя неутомимым хлопотам к коммерческому

составлению брачных союзов, сама она отнюдь не чуждалась желанию нравиться⁴. Сваха давала сведения жениху о приданом различных невест и снабжала родителей девушек сведениями о женихах, хотя за некоторую сумму можно было попросить сваху несколько приукрасить состояние дел (например, скрыть, что имения давно заложены и карточные долги скоро приведут семью к обнищанию). Но наличие пожилых родственниц делали услуги свах излишними. В. П. Бурнашев говорит, что графиня Татьяна Ивановна Хвостова очень любила обустраивать свадьбы своих дальних бедных родственников, а наполнявшие её стаинный и гостеприимный дом кумушки и приживалки, которых она выдавала замуж, называли её добрейшей «графинюшкой». На этих свадьбах она была посажёной матерью⁵.

Перед началом сватовства в Москве существовала благочестивая традиция служить молебны Иверской Богоматери.

Обряд сватовства и свадьба образовывали длительное ритуальное действие, характер которого менялся в различные десятилетия. В начале XIX в. в дворянском быту проявилась тенденция вновь сблизиться с ритуальными народными обычаями, хотя и в специфически изменённой форме, быт предков был романтически переосмыслен. Данные ритуалы способствовали сохранению чести девушки и не роняли достоинства ни одного из участников.

Прежде всего, следовало предварительно убедиться, что девушка и вся её семья охотно породнятся с семьёй молодого человека, а затем и о приданом спрашаться.

Сватовство происходило обычно в беседе с родителями, причём обращаться нужно было к отцу невесты⁶. Если же известно было, что супруги придерживаются разных взглядов и муж полагается на мнение жены, то жених мог сперва поговорить с матерью девушки и просить руки девушки у неё.

После полученного от родителей предварительного согласия в залу приглашалась невеста, у которой спрашивали, согласна ли она выйти замуж. Заранее объясняться с девушкой считалось нарушением приличий. Однако практически, уже начиная с 70-х гг. XVIII в., молодой человек предварительно беседовал с девушкой на балу или в каком-нибудь общественном собрании⁷. Такая беседа считалась приличной и ни к чему ещё не обязывала (Чадский в «Семействе Холмских» сделал предложение Софье на балу во время Польского танца)⁸. Этим она отличалась от индивидуального посещения дома, в котором была девушка на выданье. Частый приезд молодого человека в такой дом уже накладывал на него обязательства, так как «отпугивал» других женихов и, в случае внезапного прекращения приездов, давал повод для обидных для девушки предположений и догадок.

Дворяне придерживались православных обычаем: в момент сворона молодых благословляли иконами Иисуса Христа и Богоматери. Затем эти иконы передавались молодожёном. В 1823 г. сироту княжну Марию Дмитриевну Голицыну опекуны С. С. Апраксин и М. П. Голицын «сговорили» за князя А. И. Ухтомского «с благословением Святых образов в начале святые образа: первый Спасителя второй Иверская Божия матери». И выделили приданого на сто двадцать тысяч шестьсот десять рублей семьдесят одну копейку, что и значится в Рядной записи⁹.

Внучку графа В. Г. Орлова Елизавету Петровну Давыдову дедушка сговорил за князя Юрия Алексеевича Долгорукого и благословил их Святыми образами Спасителя, Казанской Божьей Матери и святых князя Владимира, Елизаветы, Петра Афонского и Наталии (т. е. святых покровителей его — Владимира, её отца — Петра, матери — Натальи и невесты — Елизаветы¹⁰).

Женихи всячески пытались выглядеть в глазах всего дома невесты как можно привлекательней. В романе Вельтмана сваха советует жениху: «Да не скучитесь, сударь; всякий раз, как приедете в дом, жалуйте людям на чай, — лучше прислуживать вам будут. <...> Сперва покажите своё внимание дочери; а потом и к маменьке подсядьте»¹¹.

В основном, мнение дочерей по поводу их дальнейшей судьбы не принимали во внимание. Однако бывали семьи, где девушкам позволяли самим решать, выходить ли им замуж за соискателя руки или нет. В таком случае самой избраннице приходилось взвешивать все «за» и «против». Подруга Протасовой Александры Андреевны писала ей, что поляк Мерлинин просит её руки, родственники представили ей самой решать свою судьбу. И девушка никак не могла этого сделать: рассматривая кандидатуру со всех сторон, она обращала внимание и на внешность, и на вероисповедание, и на состояние, и на род службы, но прежде всего пыталась расслышать голос сердца, который не говорил ни да, ни нет. «Как все чувственные и слабые человеческие существа, как мы можем знать: как найти счастье, где не прогадать, как поступить хладнокровно, не колеблясь бесконечно и по всякому поводу»¹², — восклицала она.

Знатный, богатый и немолодой жених мог свататься и без согласия девушки, уступавшей приказу или уговорам родителей. В таком случае у невесты оставалась возможность реализовать свой отказ в церкви¹³. Однако пойти против воли родителей было сложно в силу традиций.

В большинстве случаев родители больше внимания уделяли именно внешней стороне — каковы состояние и ранг жениха, его связи, а уж потом смотрели на его душевые качества.

Впрочем, по большей части, и молодые (и не очень молодые) люди выбирали невесту исходя из тех же соображений: насколько богата, насколько родовита. А. Ф. Вельтман сетовал: «Теперь ни девушки между собой, ни в разговоре о девушках не говорят уже о внутреннем приданом: о богатстве и чистоте души, о достоинстве свойств и о чистоте сердца, даже не говорят и не спрашивают вообще о здоровье существа мыслящего, о замужестве; но спрашивают только, как велико приданое, и по количеству денег выводят расчёт о выгодах замужества»¹⁴.

Впрочем, в сознании мужчины женитьба — это переход на новый социальный уровень, принятие ответственности за новую семью, обязанность обеспечивать её. И молодые люди потому ещё не спешили связывать себя узами брака, что не всегда были в состоянии выполнить последнее условие. Требование родителей невесты и сознание собственной возможности или отсутствие таковой к несению материальных расходов стимулировали молодых людей к поиску пригодной службы (рассчитывать на наследство приходилось далеко не всем ввиду наличия многочисленного

потомства в семьях). Так, М. Д. Воеводский пишет своей матери Марии Фёдоровне: «Если б мы были богаты, я бы право, кажется, приехал к вам с невестой, моло-денькой, хорошенькой, с голубыми глазами, с чёрными, как смоль, волосами, но как кроме (неразборчиво) дачи у меня ничего не имеется, да и у вас тоже ничего кроме вашего пансиона, то, замолчав о той, которая так приглянулась мне, я стану лучше рассказывать вам о моём путешествии»¹⁵. А. С. Пушкин, собираясь жениться, пишет своему другу Н. И. Кривцову: «...хладнокровно взвесил все выгоды и невыгоды состояния мною избираемого». «К тому же, — замечает поэт, — я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущее является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня, они входят в мои домашние расчёты. Всякая радость будет мне неожиданностью»¹⁶. Возраст, когда дворяне обычно женились, был около 30 лет — к этому времени мужчина уже достигал некоторых высот по службе, у него накапливался жизненный опыт, к тому же он осознавал необходимость жениться, чтобы упрочить своё положение в свете, оставить потомство. «В нашем обществе требуется, чтоб человек упрочил средства существования прежде, нежели он обзаведётся семейством», — сказано в одном из пособий по правилам поведения дворян¹⁷.

Юноши сначала спрашивали разрешения на брак у своих родителей. Андрей Иванович Дельвиг так торопился жениться, что пренебрёг этим, ссылаясь на то, что мать однажды одобрительно обмолвилась о его выборе. Мать, узнав о помолвке, очень расстроилась и заболела. Сын вымолил у неё прощение, тогда будущая свекровь отослала подарок невесте (лёгкую золотую цепочку) и дала денег сыну на расходы¹⁸.

В случае, если невеста отвергала брак на более раннем этапе¹⁹ или родители находили эту партию неподходящей, отказ делался в ритуальной форме: претендента благодарили за честь, но говорили, что дочь ещё не думает о браке, слишком молода или же, например, намеревается поехать в Италию, чтобы совершенствоваться в пении. Если молодой человек был ниже чинами, чем на то рассчитывали родители, и небольшого состояния, то ему могли отказать в доме. Так, в рассказе Н. А. Полевого «Дурочка» бедному юноше сказали: «...вы позволяете себе слишком краткое обращение с моей племянницей Паулиной, и мы просим вас вспомнить, что таким обращением вы можете повредить нашим семейным распоряжениям. Вы должны были заметить, что она почти невеста (Прасковья Ивановна наименовала гусара), и мы просим вас оставить мою племянницу в покое»²⁰.

В случае общего согласия начинался ритуал подготовки к браку. Извещали близких и знакомых о предстоящей свадьбе, на это извещение надо было отвечать горячими поздравлениями, даже если известно что-нибудь компрометированное одну из сторон. О помолвке объявляли, рассыпая розовые билеты с этим известием. Вот пример такого извещения: «Николай Семёнович Киршев, извеща о бракосочетании его с Ольгою Николаевной Бедуновой, покорнейше просит пожаловать, для присутствования при священном обряде, в церковь Св. Троицы, а оттуда в квартиру его...»²¹

Жених обязан был делать визиты к родным, а также милостивцам и благодетелям невесты, дарить деньги людям невесты, а также (если позволяют

средства) покупать обычные, как это описано, например, в «Семействе Холмских» Д. Н. Бегичева, подарки для невесты: четырёхместную карету, белую шаль, бриллианты, жемчуг, цуг вороных лошадей с щёгольски одетыми кучером и форейтором, богатую ливрею с княжескими гербами. Дарить должно было предметы роскоши, конфеты, фрукты и цветы²², правда, популярность цветов как подарка возникает примерно к середине XIX в.²³ По рекомендации специального руководства о правилах светского тона жених должен был заказать кольца, на которых обыкновенно вырезались месяц, число обручения и заглавные буквы: на жениховом кольце — имени невесты, на невестином — жениха²⁴.

Жених мог появляться у невесты каждый день («понятно, что, сделавшись женихом, я почти целые дни проводил у Левашёвых и большую часть времени проводил у невесты»²⁵).

Перед свадьбой жених устраивал «мальчишник»: встречу с приятелями по холостой жизни и прощание с молодостью²⁶. У девушек мог быть девичник²⁷.

В столицах случаи тайного брака были не столь редким явлением. Однако этот шаг для девушки был крайне опасен. Молодой человек мог обмануть и не жениться и таким образом опозорить её. В «Героях нашего времени» С. О. Бурачка дана сцена подготовки к побегу двух влюблённых: «Здравствуй, ангел мой бесценный; говорил запыхавшийся Виктор, вбегая в комнату Марии; нежно обнял и поцеловал её, — ты одна?.. <...> Ну поздравь! мой друг; всё готово! Вот твоё свидетельство о крещении, вот о причащении, вот твой паспорт, моя подорожная, — деньги есть, — экипаж готов — едем!»²⁸

Обручение проходило, «помолясь Богу, при чтении святых молитв и с благословения священника»²⁹. Затем венчались (обычно через 2 месяца после предложения) — первым прибывал в церковь жених, затем невеста. Было поверье: матерям не присутствовать на венчании дочек. Существовала практика посажёных отцов и матерей — в знак почтения к этим особам. Например, Алексей Фёдорович Львов, скрипач, композитор, дирижёр, автор гимна Российской империи «Боже, царя храни», просил Николая I быть посажёным отцом, а графиню Бенкендорф — посажёной матерью на его свадьбе с Прасковьей Агеевной Абаза. 6 ноября 1839 г. (в день бракосочетания) в 7:30 Государь ждал его в Аничковом дворце, куда жених приехал с Бенкендорфом. Государь благословил его образом и дал отеческое наставление³⁰.

При венчании у жениха и невесты было по трое свидетелей. Жених, его посажёные отец с матерью и шафер ехали в храм в одной карете и в церкви помещались по правой стороне. Шафер тотчас ехал за невестой. Её родственники и знакомые становились на левой стороне. Во время таинства присутствовали также молодые люди, которые держали венцы над головами брачующихся. По окончании венчания иногда служили молебен, затем принимали поздравления³¹.

Затем все ехали на свадебный пир на квартиру жениха, где их уже ждали его родители с хлебом-солью. За здоровье гостей на свадьбе пили в строгой очерёдности — по родству и старшинству. Если устраивали бал, то невеста была, разумеется, его царицей. От свадебного стола дамы уводили невесту из залы и переодевали в кружевной чепчик и капот. После молодая с бокалом в руке пока-

зывалась в дверях спальни и прощалась с гостями³². На прощание могли гостей одарить конфетами.

После бракосочетания следовали свадебные обеды у отца, у молодых, у близких родственников³³, также необходимо было делать визиты к родственникам (опять-таки в строгой очерёдности знатности и родства), так что на это могло уйти несколько дней.

«Нравственный смысл этикета, — по точному слову К. Стошкуса, — проявляется в том, что с его помощью можно выразить признание самоценной значимости человека, с которым приходится вступать в контакты, выразить уважение к нему»³⁴. Таким образом, какие бы чувства молодые люди и их родители ни испытывали друг к другу, общение их не должно было выходить за рамки приличий, а чёткое соблюдение правил этикета спасало честь сторон в случае отказа либо удерживало молодых от излишних вольностей и близости в случае согласия. Правила поведения в период сватовства, помолвки, бракосочетания были чётко обозначены и соблюдались дворянами. Незнание данных правил могло создать человеку дурную славу. Обозначенная манера поведения облегчала общение, улучшала взаимоотношения, поддерживала высокий уровень культуры, продолжала традиции. И, хотя в некоторых аспектах выявлялась особенность культуры дворянского сословия (касательно подарков, установленных форм обращения, просьб, согласий или отказов), в основе своей всё общество в первой половине XIX в. следовало данной схеме создания семьи.

¹ Надежда В. Богатая невеста // Современник. 1853. Т. 39. № 6. С. 1–16.

² Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / подг. текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой. Вступ. ст. К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой. М.: Нов. лит. обозрение, 1998. С. 170.

³ Записки графа Е. Ф. Комаровского. М.: Тов-во рус. художников, 1990. С. 73.

⁴ Брант Л. В. Rendez-vous // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. Ч. 2. С. 296.

⁵ Бурнашев В. П. Наши чудодеи. Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода. СПб.: Б. и., 1875. С. 21–22.

⁶ Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб.: Б. и., 1890. С. 97.

⁷ Сушкова Е. А. Записки. М.: Захаров, 2004. С. 138.

⁸ Бегичев Д. Н. Семейство Холмских. М., 1833. Ч. II. С. 143–144.

⁹ НИОР РГБ. Ф. 64. Вяземы. П. 6. Д. 5.

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. К. 3. Д. 37. Л. 1.

¹¹ Вельтман А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. М.: Б. и., 1848. С. 66.

¹² НИОР РГБ. Ф. 99. Елагины. Оп. 1. К. 22. Д. 54. Л. 3.

¹³ И у жениха тоже, см.: Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003. С. 416.

¹⁴ Вельтман А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. С. 41.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 876. Воеводские. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 4.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 828. Горчаков А. М. Оп. 1. Д. 1086. Л. 27об.

¹⁷ Головин И. Г. Светская философия или Книга жизни // Благонамеренный. 1859. № 5. С. 17.

¹⁸ Дельвиг А. И. Мои воспоминания. В 4 т. М.: Изд-е Московского Публичного и Румянцевского музеев, 1912. Т. 1. С. 244.

¹⁹ См.: Сушкова Е. А. Указ. соч. С. 106.

-
- ²⁰ Полевой Н. А. Дурочка // Сто русских литераторов. 1839. Т. 1. С. 468–469.
- ²¹ Брант Л. В. Воспоминания и очерки жизни. СПб.: Б.и., 1839. С. 291.
- ²² Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб.: Б.и., 1890. С. 100.
- ²³ Келлер Е. А. Праздничная культура Санкт-Петербурга: Очерки истории. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001. С. 245.
- ²⁴ Светский человек или Руководство к познанию правил общежития / сост. Д. Н. Соколовым. СПб.: Б.и., 1847. С. 162.
- ²⁵ Дельвиг А. И. Указ. соч. С. 245.
- ²⁶ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб.: Искусство-СПб., 1999. С. 105–125.
- ²⁷ Воспоминания М. Ф. Каменской // Исторический вестник. 1894. Т. 57. С. 329.
- ²⁸ Бурачок С. О. Герои нашего времени // Маяк. 1845. Т. 19. С. 204.
- ²⁹ Аксаков С. Т. Избранное / сост. и примеч. А. Л. Оспатова. М.: Московский рабочий, 1987. С. 515.
- ³⁰ Львов А. Ф. Записки А. Ф. Львова // Русский архив. 1884. Кн. 3. С. 63.
- ³¹ Светский человек ... С. 162.
- ³² Воспоминания М. Ф. Каменской // Исторический вестник. 1894. Т. 58. С. 637.
- ³³ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / под ред. Г. Г. Христиани. Томск: Типография Военной Академии, 1919. Т. I, кн. 1, 2, 3. С. 268.
- ³⁴ Стошкус К. Этикет в развитии общества // Этическая мысль (научно-публицистические чтения). М.: Политиздат, 1988. С. 241.